

Валентина Юрченко

*Здравствуй, мама!
Я – волк*

Валентина Юрченко

Здравствуй, мама! Я – волк

«Издательские решения»

Юрченко В.

Здравствуй, мама! Я – волк / В. Юрченко — «Издательские решения»,

В сборник вошли повести и рассказы, созданные писателем в разные творческие периоды. непохожие друг на друга стилистически, эти произведения объединены такими вечными темами, как любовь, дружба, предательство, смерть, взаимоотношения детей и родителей. Проходя через сложные жизненные коллизии и погружаясь в мир личных переживаний, герои Валентины Юрченко ищут ответы на важные для них вопросы — те, которые и побуждают писателя созидать.

Содержание

Собачья свадьба	6
1	6
2	17
3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Здравствуй, мама! Я – волк
повести и рассказы
Валентина Юрченко

© Валентина Юрченко, 2015

© Елена Ларькова, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Собачья свадьба

А дворняжки они почему?

1

С утра позвонила Полине:

– Как ты?

– Да звездац, Ксюха, полный! Я в шоке. Подожди, в ванну зайду.

– Ивановна рядом?

– Ну.

– Чего у тебя?

– Да ужас! Может, приедешь вечером?

– Не могу. У меня на вечер билеты. Домой еду, уже собралась. У предков тридцатилетие, как они поженились. Дата. И так еле с работы отпустили. Ты можешь сказать, что случилось?

– Да... боюсь я. Слушай, Ксюх, а телефоны прослушиваются в наше время?

– Успокойся ты, кому мы нужны.

– Знаешь, не нужны. А откуда у него телефон мой?! Ты да Ивановна знает.

– У кого, у него?

– У мужа!

– Он в Москве, что ли?

– Тю! А по-твоему, я бы так дергалась?

– А хочет чего?

Полина никогда не замечает, что она непоследовательна в разговорах и действиях.

С Полиной меня познакомили в Киеве, но по-настоящему раздружились мы только в Москве три года назад.

– Богдана! Звездац, три года не нужен был, а теперь: «Право имею, право имею». Какое право? Ребенок рос без тебя, воспитывался. Да он забыл давно, как ты выглядишь! Папочка, тоже мне. Оно мне надо? А может, правда, Ксюх, денег дать хочет? Не помешали бы. Все, главное, в одну кучу.

– Что у тебя за грохот?

– Ивановна что-то уронила на кухне.

Светлана Ивановна – нянька, дальняя родственница, не без труда вызванная из Пензы за невысокую плату. Она с Богданом сидит, пока Полька работает.

– А у тебя как?

– Подожди, поезд проедет, – теперь наш разговор перебивает шум электрички.

Мелкой дрожью забилося зеркало платяного шкафа – как в деревне, когда по улице тархтит трактор. Я снимаю маленькую комнатку с крашеным дощатым полом в двухэтажном доме за Карачаровским переездом. В комнате – комод, дубовый стол, кровать с пружинами и этот шкаф, напоминающий склеп.

– Все, оттархтел, говори.

– Как там твой Эдик?

Я пожимаю плечами, как будто Полина может это увидеть.

– Кому верить, Ксюха? – привычное завершение разговора.

– Себе, – традиционный ответ. – Да, совсем забыла. Знаешь, кого вчера встретила? Галку помнишь? В метро, представляешь? Совсем не Галка, очень изменилась, в жизни бы не узнала, если бы она меня за руку не остановила. Я говорю, какими судьбами, гастроли что ли?

– Да ты что? Боже, сто лет о ней ничего не слышала! Ну!

– Она сейчас здесь, в театре работает, на премьеру нас пригласила. Я сказала, что ты в Москве, она обрадовалась. А о себе не колется, в театр зовет, там нормально, типа, поговорим.

– Так что ж ты молчишь! Премьера когда?

– Она звонить обещала, обязательно надо сходить.

– Обязательно. Надо же, везде одни наши...

Я кладу трубку, беру дорожную сумку. В прихожую выходит заспанная хозяйка.

— С работы – на поезд?

— Да. Не успею заехать.

Я выхожу из подъезда. «Здравствуй, XXI век!» – на стене Карачаровского завода ультрамодными огнями гелевых ламп светятся буквы: единственный ориентир в темноте здешнего утра.

Зима в Москве начинается в конце октября, а заканчивается – в апреле. Ежась, вдыхаю морозный воздух. Толкаюсь, занимаю в троллейбусе место. Теперь минут двадцать и подремать можно.

Троллейбус гудит сонным ульем. Открываю глаза. Стоим в пробке. Справа – красные резные стены Покровского монастыря. Каждый раз, проезжая мимо, думаю, что надо сходить. Полина говорит, ей матушка Матронушка здорово помогает: нужно только очень просить, мощам поклониться, икону поцеловать.

На перекрестке, рядом с монастырем – ловушка гибэдэдэшная. Вон уже палкой машет, «приглашая» на обочину «ауди».

Выхожу на «Красных воротах», перебегаю дорогу, сворачиваю во двор, поднимаюсь на второй этаж в агентство недвижимости.

– Привет.

– Ого сумочка! Ты обратно когда?

– Через неделю, Танюшка. Соскучиться не успеете.

Танюшка – младшая в коллективе, ей и двадцати нет. Веселая болтушка – умеет разрядить напряженную ситуацию.

– Тебе, как вернешься, шефа встречать, – тут же командует Ник, новый заместитель директора.

– Слышишь, Никита Яковлевич, а может, он сам доберется? Не маленький, и в Шереметьево не впервые. Тем более, с курорта. Отдохнул, сил много.

– Без «может». Любишь кататься... Заодно введешь его в курс дел. На Колькиной машине поедете.

– Хотя на этом спасибо, – я включаю компьютер.

Поезд качнулся и замер. Яркий свет разбудил пассажиров.

– Гривну за рубли! За рубли гривну. Доллары покупаем, доллары!

По вагону скачками перемещаются проводники и менялы.

– Просыпаемся! Готовим паспорта. Просыпаемся, пассажиры!

В тамбурах слышится шипение рации и рычание пограничных собак, кому-то в последний момент предлагают заполнять декларацию. Я смотрю на часы. Суземка – стоять минут сорок.

– Российская пограничная служба. Ваши документы, пожалуйста.

Я оказалась в Москве семь лет назад. С собой у меня был минимум личных вещей, новый паспорт гражданки Украины и деньги, которых хватило, чтобы расплатиться за комнату на Рязанке. Семь лет назад мы спланировали мое бегство в Москву – мы с Галкой – ее я и встретила день назад.

Удивительно. Проходят годы, стираются из памяти события, а потом вдруг – лицо, как лезвие под ребро: неожиданно, дерзко...

– Счастливой дороги, – мне возвращают паспорт.

И все же, несмотря на это пограничное унижение, выдуманное озлобленными националистами-шовинистами, я люблю поезда. Гуманное средство передвижения: если вовремя ограждаешь себя от попутчиков, успеваешь привести мысли в порядок, настроиться на ритм того города, куда направляешься.

В вагоне всеобщее оживление.

– Смотрите, смотрите, якого мордатого понесли!

– Мама, то розова собачка!

– Яка ж собачка, то – кот.

– Нэ кот! Попугай!

– Мама, хочу собачку!

– На вулицю все одно не пускають.

– Ничого. У Конотопи купым. Там тоже таки будуть. У нас, може, й дешевше.

Я не выдерживаю и вместе со всеми выглядываю в окно. На перроне – город мягких игрушек: пятнистые далматинцы, рыжие глазастые бульдоги, синие слоны, мыши в кедах, розовые, белые, голубые моськи, коты, попугаи, жирафы. Их наперебой предлагают купить местные жители. После смены на фабрике рабочие вынуждены идти на вокзал, чтобы «отбить» зарплату – ее выдают товаром. Поэтому их моськи скулят и ходят на задних лапах, слоны улыбаются, мыши поют популярную музыку, а куклы говорят «I love you», будто говорить «люблю тебя» – унижительно.

Наш роман с Эдиком начался в сентябре и оказался столь же ярким, как ушедшая осень двухтысячного. Природа словно потребовала финала драмы: пронеслась по Москве стремительно, напоминая карнавальное шествие, и разбросала разноцветный гербарий. Осень оборвалась, не успев состояться, неприятно уступая место зиме. Нашему роману шел шестой месяц, но меня никогда не покидало ощущение, что мы скоро расстанемся.

В начале сентября Эдик привел в агентство иранца. Иностранец не знал русского, и Эдик был у него посредником-переводчиком.

Клиенты зашли в офис без стука. Эдик окинул взглядом сотрудников и посмотрел мне в глаза. На нем был черный костюм, черный кожаный плащ, черные туфли.

Эдик быстро и без интереса уточнил условия съема квартиры, прочел контракт, перевел все иранцу и, воспользовавшись паузой, подошел к моему столу.

Был конец рабочего дня.

– Устала?

Я поняла, что он не испытывает неловкости из-за маленького росточка, но взгляда выдержать не смогла.

– У тебя есть любимый мужчина? – он и на этот раз ответа не ждал.

Вечером мы занимались любовью у него дома, – следствие неистребимого любопытства и неумения говорить «нет».

– Вытри помаду.

Эд был брезглив, опрятен, грубоват и порывист. Быстро восстанавливался, разговаривал мало – и в основном односложными предложениями.

– Я шесть лет сидел. Хищения. Крупные, – сообщил он, привлекая меня к себе. Страшно не было – я безропотно подчинялась порыву.

Запомнилось утро. Шел тихий осенний дождь: не было ветра, капли не барабанили по металлическим крышам балконов – какое-то безвременье, как в космосе. Не хотелось, чтобы наступал день.

Провожая, Эд не узнал номера домашнего телефона и не назначил мне встречи. Я была уверена, что длина такого романа исчисляется ночью, и не понимала, как согласилась на это.

Эд позвонил в агентство ближе к обеду. Удостоверившись, что со мной все хорошо, он положил трубку. Впервые в жизни я почувствовала себя проституткой.

После работы, злясь на себя за то, что потребность обращаться к Богу возникает лишь в минуты раскаяния за проступок, я решила зайти в Покровский. Погода была хорошей, в людный троллейбус залезать не хотелось, и я побрела дворами пешком. Вечерний воздух бабьего лета был глубоким, парным, насыщенным. Казалось, вдыхая его, пьешь молоко. Только через пару кварталов я заметила, что за мной медленно следует серый «фольксваген».

– Девушка, время пить херши, – Эдик открыл правую дверцу автомобиля.

Эд никогда не дарил мне подарков или цветов, мы не ходили в театры, на концерты, в кино, не сидели по ресторанам, Эд запрещал звонить на мобильный. Он заезжал ко мне на работу в удобный для него вечер и вез к себе, в двухкомнатную квартиру на «Пражской». Он не доверял даже приготовление ужина: включал видео и шел в кухню. У него был хороший вкус, хорошая библиотека и хорошая коллекция психологических фильмов. Я не знала, чем он занимается, и каждый раз боялась об этом спросить.

В нашу вторую встречу Эдик принес из рабочего кабинета – соседней комнаты – гитару. Пел блатные, пел хорошо.

– Редко играю, так – для тебя, – он поставил гитару и улыбнулся: впервые.

А еще через час спросил:

– Пойдешь за меня замуж?

– Ты даешь! Ты же видишь меня второй раз в жизни.

– Ну и что. Я все о тебе знаю. Значит, нет?

Я рассмеялась.

– А чего ты хочешь? Ребенка? Карьеры? Денег? – Эд мыслил глобальными категориями. – Знаешь, чем отличается умный человек от глупого? Только глупый выбирает, умный берет от жизни все.

Как-то утром к Эду пришел друг, и они, уединившись на кухне, о чем-то горячо спорили. Я плохо понимала причину размолвки: Эд открыл в ванной кран – шум воды перебивал голоса. Поняла только, что проблема была в паспортной фотографии – зависимый от социума, как никто другой, Эдик умудрялся соприкоснуться с ним лишь тогда, когда в чем-то остро нуждался.

Однажды он позвонил ночью:

– Мне плохо.

Спросонья меня радовало лишь то, что звонок не поднял с постели хозяйку.

– Мне плохо, ты можешь приехать сейчас? – внятно повторил Эд.

Я вышла из подъезда минут через пять.

Около часа ночи Эдик встретил меня у своего дома в деловом и, как всегда, черном костюме. Видно было, что спать он еще не ложился.

– Садись в машину, через пару минут едем, – Эд не позволил мне говорить. Спросить: «Ты издеваешься? Что случилось?» и «Куда едем?» мне удалось только после того, как мы покинули пределы Москвы.

– Едем мы в Питер. Ничего не случилось. А, собственно, с чего ты взяла, что я издеваюсь? По-моему, я не похож на шута.

– Нет, но ты звонишь ночью, говоришь, что...

Эд резко остановил машину. Позвоночник уперся в изгиб сиденья. Даже при включенной печке тянуло холодом. Особенно стало неприятно, когда я поставила босую ногу на резиновый коврик.

Эдик не церемонился: я почувствовала резкое, глубокое и болезненное вторжение. Будто впервые: осознаешь, что происходит, и терпишь. Как мученица. Взять на себя грех – это

из христианства: оправдывается страданиями за опороченных. К тому же, в глуши, в темноте, на окраине города была очевидна бессмысленность противодействия. Задевало другое: в тот момент мне пришло на ум, что я заслуживаю подобного обращения.

Эдик смотрел в глаза:

– Так пойдешь за меня замуж?

– Нет, – я сказала со злом, освобождаясь от его рук.

– Третий раз попросишь об этом сама, – Эдик рванул сцепление. Меня поразило, что его костюм нисколько не пострадал от нахлынувшей страсти.

Проехали мы не более километра.

– Я же сказала, останови.

Эд глянул вправо: хотел убедиться, что я не собираюсь глупить. Я и не собиралась. Мое тело, упругое и возбужденное, теперь само предлагало себя.

Эд исполнил просьбу со снисхождением.

– Ты пилигрим, – вряд ли я поняла, что он говорит правду.

Эдик всегда умело, словно специально, акцентировал внимание на моих слабостях. Но чем чаще он это делал, тем безнадежнее я привязывалась к нему.

Потом мы долго ехали молча. Будто в пустоте или пустыне. Я смотрела на звезды и представляла, как ищу новую работу после скандального увольнения.

Мы добрались быстро – еще было закрыто метро.

– Видишь вокзал? Поднимайся в зал ожидания, купи кофе, я скоро буду.

Я послушно открыла дверцу машины – лицо обжег колкий ветер. С трудом передвигаясь по льду, я побрела к зданию. Весь город походил на огромный каток – улицы, тротуары, дорожки лишь местами были прикрыты снегом, выпавшим ночью.

«А если Эд не вернется?» – эта мысль покинула меня только тогда, когда у лестницы на второй этаж я наткнулась на двух бомжих. Широко разбросав ноги, они полулежали, облокотившись о первую ступеньку: одна всласть отхаркивалась, затягиваясь вонючим дымом, другая ждала курева. Обе пренебрежительно смерили меня взглядом, просчитывая, стоит ли пропускать. Немыслимый город – даже бомжи в нем живут по своим законам: не опасаются нарядов милиции, не довольствуются пивными бутылками, кичатся язвами и не стесняются вшей. Они подходят к буфетчице, и та продает им водку или протягивает дольку лимона из недопитого чая. Новый пассажир вызывает у них интерес секунд на двадцать, потому что в их глазах – это мы чужаки – уличные.

Я с трудом нахожу силы, чтобы переступить через ноги, покрытые струпами – достоешница в чистом виде.

На втором этаже тоже «спектакль»: бомж толкнул спящего соседа, и тот щедро рассыпается бранью. Просыпаются остальные дворняги, образуя лагерь болельщиков и судей. Первые – оскорбленные – провоцируют, вторые уверенно угрожают. Только с появлением колченогого – высокого, крупного, одетого лучше основной массы бездомных – они замолкают, расплзаясь, как тараканы при резко включенном свете. С первого взгляда понятно: явился главнейший.

Эд забрал меня часа через три.

– Думала, не приду?

– Думала. Где ты был?

– На Черной речке.

– Что?

– Не знаешь, где Пушкин стрелялся?

– Знаю.

– Хочешь, туда съездим?

– Нет.

– А чего хочешь? В Эрмитаж? Зимний? На Васильевский, может?

– Домой.

– Как скажешь.

Мы прошли мимо остановки трамвая. С перекошенных балконов свисали огромные сосульки, готовые рухнуть в любой момент вниз.

– Смотри, – я ткнула пальцем в лежащего на скамейке бомжа.

– Что? – не понял меня Эд.

Бомж смотрел в небо и замерзал. Наверное, ночью он видел те же звезды, на которые смотрела и я из окна Эдикиной машины...

У Эда не было постоянной подруги. Я поняла это, впервые очутившись у него дома. Были на крайний случай. Дом выдает – с евроремонтом ли, с видеотехникой, вычищенный до блеска – у мужчин, долго живущих без женщины, он будто выхолощен.

Мы сели в машину.

После этой поездки я рассказала об Эде Полине.

– Уголовник? – Полина долго молчала в трубку.

Чтобы избежать недоразумений, я настояла позвать в гости подругу. Эдик не пощадил ее самолюбия.

– Думаешь, Москве тебя не хватает? – спокойно спрашивал он у Поли. – Сколько стоит честный актерский труд выпускников киевских вузов?

Особенно его интересовало, почему Украина думает, что она – мать городов русских.

Полина ушла через час, сообщив, что ей срочно нужно к ребенку.

– С кем ты живешь? Он же урод! – выслушивала я ее вопли. – Знаешь, что мне Эдик твой предложил, пока ты в комнате фильм искала? – Полина свирепела с каждой фразой все больше. – Замуж предложил! Ребенка захотел от меня!

Я не сомневалась, что Полина не сочиняет. Лица для Эдика не имели значения. Была четкая схема жизни, в которую, как в капкан, угождали те, кто больше всего совпадал с ее трафаретом.

– Ксения! Что ты молчишь? Я надеюсь, ты сегодня же дашь ему от ворот поворот?

Полина была пуглива не только в силу характера. До переезда в Москву прежний супруг хотел отнять у нее Богдана. Он оплатил поимку жены с сыном. Полине месяц приходилось скрываться у подруг и родителей. Сначала желание ехать в Москву совпало с борьбой за Богдана, а потом превратилось в бегство. Полина поняла: только за пределами государства сможет сберечь для себя сына. В Москве преследование прекратилось, но пережитый стресс заметно повлиял на подвижную психику – теперь Полина всегда озирается и во всем видит опасность.

– Посмотрим, – я не смогла сказать, что уже влюблена в Эда.

– Подружка, ты деградируешь, – Полина бросила трубку.

Киев встречал ремонт вокзала, я с трудом нашла выход. С рекламных щитов улыбались пышногрудые молодички в национальных венках и костюмах. Пришедший поезд метро – весь, как этикетка украинской водки «Первак», – красный, в огурчиках.

Я решила поехать через метро «Дружба народов», а там – на автобус – и дома. Я долго избегала этого маршрута, он напоминал мне о причинах, которые заставили меня уехать из Киева. Вот и ранее ненавистная остановка. Справа от нее Выдубицкий монастырь.

Дома – праздник: пахнет жареным мясом, на подоконнике стоит торт. Мама режет овощи на салат, а отец стремительно перемещается от кухни до гостиной, от гостиной до кухни, то забывая взять нужную тарелку, то пытаясь отнести еще не готовое к подаче блюдо.

Папа не умеет ждать, а от желания сделать все побыстрее создает вокруг себя суету. В такие моменты важно его чем-то занять, и мама поручает отцу купить хлеб. Папа собирается в магазин неохотно, но быстро и по-деловому. Сталкиваюсь с ним в прихожей и, обнимая, вижу через открытую дверь гостиной, как скатерть с правой стороны стола дала крен и, выгнувшись, топорщится на углу. Значит, первым поручением мамы была сервировка стола. Я улыбаюсь и с пониманием хлопаю отца по плечу.

– Что тебя в Москве держит? – возвращается мама к вечному разговору. – Только деньги за квартиру выбрасываешь.

Вот уже семь лет я не знаю, как ответить ей на этот вопрос.

Вообще, семья – удивительная инстанция, в ней каждый прячет свою несостоятельность – и прежде всего социальную. А социум, как одухотворенная плазма, принимает всех: в том числе и людей, для брака не созданных. Моих родителей он приютил из жалости, таких семей много: они живут, наблюдая за миром, они уязвимы больше других и умеют прощать, потому что не в состоянии ненавидеть. Острее других они нуждаются в идеале, но, однажды обманутые, не сознаются, что сделали неправильный выбор, а потом, если позволяет политика, прячутся за религией, если нет – проповедуют нигилизм. Они занимаются сексом, чтобы не испытывать неловкости от взаимного присутствия и заводят ребенка, как правило, одного, чтобы внушить ему собственные иллюзии.

Плодородная земля Малороссии странно переплела генеалогические ветви моих предков. Поляки-дворяне по линии папы бежали от гражданской войны через Питер, а мамыны, опять же католики, – от восстания в Польше. Украина скрестила, приютила, но и будто растворила в себе породу обоих родов: бабка отца вышла замуж за мужика, а наследие по линии мамы разбазарило время и тринадцать детей моей прабабушки.

– Как съездила? – не успела я и переодеться, как позвонила Полина.

– Ты словно с биноклем. Следишь, что ли?

– Разведка.

– Ясно. Польшу, спешу, забежала сумку забросить. Шефа едем встречать. Колька ждет. Созвонимся, о'кей?

– Ничего не знаю, вечером ты у меня. Возражения, родная Ксения, не принимаются. Я жду нужного тебе человека, – Полина поставила ударение на каждом слове последнего предложения.

– Так а кого ждем?

– После работы ты у меня. Иначе можешь забыть номер моего телефона. Я не шучу.

Спорить мне было некогда.

С Полиной дружить тяжело не только из-за ее эксцентричности. Желание «трахнуть всю Москву» – это она сама так говорит – не покидает ее никогда, даже в моменты глубокой депрессии. Она приехала стать певицей, и хотя ее можно считать хорошо устроенной – ночные клубы, где она выступает, дают неплохие доходы, мечтает она о другом – отсюда и нервы, и взвинченность. Второй год практически безрезультатно – так считает Полина. И не дай Бог ей сказать, что она везучая. Полину устраивает только большая сцена, а иначе смысл-то какой? Поэтому каждое ее движение – это трата жизненного потенциала, и оно должно быть не бесцельным, а шагом, который сократит ее путь к славе.

Проехали Химки. За окном – то заснеженные ели, то козырьки остановок. Стрелка спидометра, вздрагивая, движется по часовой. Уже минут через двадцать покажется Клязьма, а там и аэропорт. Я просматриваю документацию. Наш шофер Колька хохмит – не столько водительская привычка, сколько натура. Кольку любят, он от природы комик.

– Ко мне айзеры сегодня в метро лепились, прикинь, Колька.

– Чего же тут удивительного, ты девка видная.
– Так им дай Бог по пятнадцать, если не меньше. А наглые! Раньше айзеры только на рынках были, и то взрослые.

– Плодитесь и размножайтесь. Процесс всем нравится, не только русским.

– Вот именно. Помню, как только приехала, такую трогательную картину на ВВЦ видела: мамаша свое армянское чадо выгуливала, фонтаны ему показывала. А ему года три, может, четыре. Такой аккуратненький весь, в костюмчике-троечке – видно, на заказ делали, а глазки-бусинки – сплошное умиление. Выросли, блин.

– Новое поколение выбирает Ксюху!

– Хватит прикалываться. Между прочим, это уже серьезно. И главное, чувствуют себя как дома!

– Так они и дома. Вот у тебя хата есть? – Нет, а у них есть. И квартира, и дача, и школа – все на мази. И кто после этого хозяин? Они или вон хохлома ваша? – Колька машет в сторону обочины.

– В смысле хохлома?

– Девки ваши украинские. Вон парами на съем стоят, видишь сколько – бери не хочу, как коров нерезанных.

– Не все же, кто с Украины приезжает, здесь оказывается.

– Все. Жить-то хочется, хочешь жить – умей е... тся. Ты еще устроилась ничего, а в основном – на стройке ваши, с вонючим мясом на рынке Киевском. Ну, или здесь. Вон смотри, ножки какие, ничего себе. Может, притормозим? До рейса еще сколько времени, а, Ксюх?

– Коль, ты при мне больше такого не говори, ладно?

– Не понял.

– Так. Обидно. Опять не понял?

– Не понял.

– За родину обидно, говорю.

– Я ж не тебя имел в виду. Подумаешь. Обиделась, тоже мне.

Полина гостеприимна – в этом ей не откажешь. Блинчики с творогом и борщ – самое скромное меню для приема гостей.

– Надо салатиков еще нарезать, и селедочку приготовила. Давай я тебе фартук дам, а ты быстро порежешь, давай? – такое радушие с головой выдает в Поле национальность. Кроме того ее смех: нарочито-громкий, на низких частотах, исподволь пробуждающий плотский инстинкт – самка, заботящаяся о продолжении рода.

– Что твой муженек? Не звонил больше?

– Ксения, дорогая, если бы не люди, с которыми я тебя, считай, насильно свожу... – она сделала паузу. – Отвадили, слава Богу. Ой, не знаю, надолго ли.

– Рассказывай, кого ждем.

– Не объявился еще Эдик твой?

– Дался тебе Эдик. При чем тут Эдик? Полина, пойми...

– Ксюха, мое терпение лопнуло! Хватит фигней страдать.

– Кто тебе сказал, что я страдаю?

– А что ты делаешь?

– А что ты предлагаешь?

– Во всяком случае не на Эдика рассчитывать и не за копейки на твоей работе корячиться с утра до ночи. Не переживай, я что-то придумаю. Не веришь? Посмотришь. Ты меня еще плохо знаешь.

Полина уверена, что я достойна и лучшей участи, и больших денег. Ее б воля, она бы только об этом и говорила, но на кухню зашел Богдан, и Полина вынуждена прервать разговор. Благо, ее внимание настолько рассеяно, что, мгновенно переключаясь на новый объект, она тут же забывает о предыдущем.

– Давай, сын, прочти тете Оксане стих, который мы вчера с тобой выучили. Давай, давай, чего ломаешься, – Полина никому не прощает медлительности.

– Не буду, – Богдан супит брови.

– Чего это ты не будешь? Стесняешься, вроде первый раз тетю Оксану видишь.

– Не стесняюсь. Сама говорила.

– Что говорила?

– Чтобы по-украински больше не слышала.

Я начинаю догадываться, в чем причина их препирательств. После переезда в Москву Богдан в одночасье лишился не только опеки бабушек, но и привычного окружения сверстников. Москвичи-погодки не пустили его в свой круг, и Полина решила, что основная причина детского неприятия в южном акценте, – она запретила Богдану разговаривать по-украински даже в быту. Полина и сама бы с радостью забыла об ущербном, с ее точки зрения, происхождении, если бы иногда именно оно не реабилитировало ее в собственных глазах, позволяя рассуждать об ограниченности русскоязычных. Потому под рюмочку она не отказывала себе в желании затянуть народную, а на досуге – разучить с сыном что-то из украинской лирики.

– Так то ж в разговоре, а это стих!

В дверь позвонили.

– Ой-ой-ой, – Полина по-хозяйски засуетилась, – иду, иду.

Несколько минут я слышала заискивающе пошловатую возню подруги, после чего гостя пригласили на кухню. Пропуская радушную газду вперед, коренастый от природы и расплывшийся от излишеств в еде мужчина лет тридцати пяти с наслаждением ущипнул ее за бок. Полина взвизгнула.

– Знакомься, Андрей.

– Оксана, – представилась я и подумала, что в Полине много эксцентричности, но мало вкуса.

С первого взгляда стало понятно, что Полина с ним спит – не часто, без особого удовольствия. Как дань: отдалась – и с гуся вода, будто не она это вовсе.

– Ну и как жизнь, Ксения? Рассказывай, откуда трудовые мозоли берутся? Регистрация, небось, временная? – наглость Андрея обескуражила, но и помогла сориентироваться: выходит, без моего ведома Полина сватала меня на работу. Как-то она рассказала мне о хорошем знакомом, который делает ей бесплатную регистрацию.

Знакомый вел себя так, будто я сама настояла на встрече. Полина правильно рассчитала. Я бы не стала ее выдавать или говорить, что произошла ошибка, – такие люди, как Андрей, не понимают добровольного отказа от денег.

– Расскажи о себе, – Андрей вальяжно развалился на стуле.

Говорить не хотелось, я была зла на Полину, потому и уложилась в три дежурные фразы.

– Ясно, – похоже, Андрей ничего другого не ждал, но тут же потянулся к трубке, набрал номер. – Слышь, Константиныч, тут человек просится, есть местечко? Угу, свой, только с той стороны. Да, заграница, ридна Украина. Нам? Очень даже нужны. Думаю, мы им тоже. Подумай, подумай. Ну, платить меньше будешь. Ей хватит, – Андрей окинул меня взглядом и повторил: – Хватит.

Полина услужливо разлила коньяк, – пятидесятиграммовая рюмочка потерялась в ладони Андрея:

– А как у нас с совестью? – спросил он у меня вместо тоста.

Трудно было представить более нелепый вопрос.

– В смысле? – даже приблизительно я не понимала, о чем речь.

– В прямом. Ладно, разберетесь, завтра тебя ждут. Запоминай адрес и имя, скажешь свою фамилию на проходной. Пропуск, считай, заказан.

– А что за работа? Что я должна буду делать?

– Там узнаешь, – после этих слов Андрей потерял ко мне интерес.

Это был второй раз в жизни, когда я почувствовала себя продажной.

Вечер прошел в напряжении. Полина много пила и смеялась над сальными шутками, а Андрей, словно специально, лишал меня возможности остаться с подругой наедине, только один раз он прошел в прихожую, чтобы взять из барсетки сигару.

Исключительно чувство долга, старательно привитое в детстве родителями, заставило меня все же явиться по указанному адресу на следующий день.

С утра я назначила Эдику встречу, вкратце пояснив, что собираюсь там делать. Это была первая инициатива с моей стороны за время знакомства: я нуждалась в поддержке.

– Пойдем в машину, – Эд как всегда возник тихо и неожиданно.

– Я буквально на полчаса. Здесь где-то совсем рядом, как мне объяснили.

– Тем более. Я хоть машину по-человечески припаркую.

Я села в машину.

– Говоришь, работу меняешь? Шило на мыло? – Эд был в хорошем расположении духа. – Куда ехать, показывай.

Мы остановились у бетонного забора, за которым находилось высокое серое здание, похожее на административное: одинаковые этажи, разбитые большим окнами на квадраты.

– Ты не ошиблась? – Эдик перестал улыбаться.

– Что с тобой? – я попыталась дурачиться, пересказывая более-менее приличные анекдоты вчерашнего вечера, но Эдик не слушал. – Ладно, не грусти, я быстро.

Размышлять не было времени, но мне показалось, что Эд не грустил – скорее, насторожился, как пес. Я чмокнула Эдика в щеку, чувствуя, что каким-то образом влияю на ход наших с ним отношений. Когда я минут через пятнадцать вернулась, Эд грубо спросил:

– Кто дал тебе этот адрес?

– А что?

– Полина?

– А что случилось?

– Я спрашиваю, Полина?

– Ну, да.

– Ясно, – отрезал Эд, разворачивая машину.

– Что ясно? Мне, например, не ясно, куда мы едем? Не к тебе разве?

– Как прошла встреча? – я не понимала выбранного маршрута, но наконец услышала вопрос, который ожидала услышать в первую очередь.

– Встреча. Если бы встреча! Я эту Полину вместе с ее Андреем съем с потрохами! – раздражение Эдика понемногу передавалось и мне.

– Какого Андрея? – Эдик проскочил на красный.

Мне пришлось рассказать о вчерашнем.

– Дальше, – Эдик требовал точных характеристик и кратких ответов.

– Я что, на допросе?

– Дальше, – я поняла, что Эдик не шутит.

– Что дальше? Проторчала на проходной как дура! Пропуск не заказали. А когда я произносила фамилию этого Константиныча, на меня, как на конченую смотрели!

– А чего ты туда поперлась?! – я впервые слышала, чтобы Эдик кричал.

– Не знаю... Ну...

Он перебил:

– Я отвезу тебя домой. На мобильный мне не звонить. Если Полина спросит, ты сто лет со мной не встречалась. Я сам выйду на связь. Ясно? – больше Эдик не проронил ни слова.

Из своего окна я видела, как он, прежде чем уехать, разговаривал с кем-то по мобильному телефону и смотрел в зеркало заднего вида. О том, что полчаса назад я была в здании ФСБ, я узнаю намного позже. Я восстановлю в памяти, что тогда даже не удосужилась посмотреть на черную вывеску при входе и что все, кого я встречала, были в форме, а зеленый мраморный пол, как зеркало, отражал сразу несколько видеокамер.

Эдик не появлялся три дня, Полина к телефону не подходила.

– Нет ее, Ксюшечка. И сегодня поздно, сказала, будет. Концерты ночные, – я знала, что Светлана Ивановна говорит мне неправду.

– Когда появится, скажите, что Галя звала на премьеру. Она знает.

Я хотела хитростью вызвать Полину на разговор, но когда эта идея пришла мне в голову, Галя действительно позвонила и пригласила на обещанную премьеру. Это произошло на четвертый день моих поисков.

Полина опаздывала.

– Ну и забралась Галка. Сколько в Москве, но о таком театре первый раз слышу, да и райончик – упаси Бог, – мы сбивали ноги в районе метро «Юго-Западная».

– Небось, халупа какая-то, – Полина злилась, нервничала, трещала без умолку, нарочно не давая начать запланированный мной разговор. Времени оставалось в обрез.

– Не переживай, без нас не начнут.

Ни я, ни Полина не ошибались. Театр снимал зал бывшего кинотеатра, зрителей собирали долго, затягивая начало. Вышло десятка три, включая знакомых.

Показывали Шекспира – сцены из «Ричарда-III». Галка выходила редко, но неизменно в крашенных перьях и мини – она была гвоздем порносцен: именно так режиссер прочитывал драматурга. На тонкой талии Галки просматривались синяки от мужских пальцев. Спектакль играли без антракта. В финальной сцене почти обнаженная Галка делала главному герою минет.

Жидкие хлопки завершили показ. Странное чувство – обидно и стыдно, будто сам на сцене позоришься.

С премьерой принято поздравлять, даже если она неудачная. Мы отыскали гримерную. Полина быстро чмокнула Галку в щеку и сообщила, что ее уже ждут, в спешке подкрашивая губы и надевая пальто.

– Если бы вы знали, девчонки, как я ненавижу Москву...

– Галочка, прости, бегу, еще концерт ночной. Звони, не пропадай. Надо встретиться в спокойной обстановке, – Полина исчезла, на ходу наматывая на шею шарф.

– Ксюх, – Галка не поняла, почему Полина не стала меня дожидаться, – приезжай ко мне в гости. Далековато, конечно, на электричке еще три остановки от Выхино, но если хочешь... Только... не в обиду Полине – одна, ладно?

Я хлопнула ее по плечу. Галка улыбнулась – это был наш школьный знак.

2

Галка пришла к нам в восьмой. Ее родителям – семье военных – дали квартиру в Киеве, в нашем районе. Как-то перед уроками Галку представила классная и предложила выбрать место за партой – так было принято: сидеть на узаконенном месте.

Новенькая быстро окинула взглядом класс и подошла к моему столу. «Царевна заморская, Пушкинская красавица», – подумалось мне. Во внешности Галки действительно было что-то картинное: тяжелые каштановые волосы очерчивали бледное вытянутое лицо, а черный кружевной фартук просвечивался на солнце. Казалось, будто и хрупкая фигурка Галки должна быть прозрачной.

– Вот и хорошо, я думаю, вы с Оксаной поладите, – довольная Галкиным выбором, сказала, уходя, классная, – только смотрите мне, не болтать за последней партой, – на всякий случай пригрозила она.

Предупреждение было лишним – Галка оказалась молчаливой подругой. Я часто размышляла и в школе, и после, что смогло так быстро и надолго нас сблизить. Думается, мы отличались от одноклассников тем, что нас всегда привлекали поступки, о которых принято говорить «на грани».

– Генеалогия – история рода. Генеалогическое древо – родословная семьи, изображенная в виде дерева, – объясняет историчка и дает нам задание.

– Тебе после уроков сразу надо домой? – вдруг спрашивает меня Галка.

– А что? – не понимаю я.

– Пойдем после уроков на кладбище.

Уроки заканчиваются, и мы спускаемся в гардероб. Молча выходим во двор – на улице зябко от сырости, висит тяжелый туман, почему-то пахнет грибами. Садимся в автобус.

– На следующей выходим.

– Я не предупредила родителей, что задержусь.

– Не надо жить, как родители, – спокойно отвечает мне Галка, – читала «Лесную песню» Леси Украинки?

Я знаю, что Галка любит историю и литературу, но ее увлечение меня всегда оскорбляет: Галка воспринимает все иначе, чем в критических статьях школьных учебников. Это мнение взрослого человека, им она может довести до истерики любого преподавателя.

– Здоровская вещица. Особенно главная героиня мне нравится – Мавка. Я в словарях смотрела: «мавка», «навка» от слова «навь» – мир мертвых, – Галка делает паузу. – Мавка – душа умершего ребенка. Представляешь, мавки умерли младенцами еще до крещения. Вечная жизнь! Даже не мучились. Они превращаются в молодых красивых девушек и живут по законам природы: просыпаются весной, засыпают осенью. И ничто не может остановить этот процесс. Мавки всегда воскресают, всегда, понимаешь?!

Мы стоим на мосту. Под нами неровной дугой кривятся пути железной дороги, слева чернеют кресты просевшего в землю старого кладбища.

Или еще случай.

– Пойдем ко мне? У меня предков нет дома, – сказала Галка.

Я кивнула в ответ.

– Я люблю ужинать и смотреть в окно, – сказала Галка, и мы взобрались на подоконник, подтянув к подбородкам коленки. Галка откупорила бутылку вина. – Хочешь, прочитаю тебе свой реферат по истории?

Нам задали написать рассказ об исторических местах Киева – о каком-то одном. Галка выбрала материал о Выдубицком монастыре.

Но писала она не о соборах – Георгиевском, Михайловском, не о трапезной и святом источнике, не о колокольне и украинском барокко. Галке приглянулась легенда, и она рассказала о ней по-своему – не как историческую гипотезу. «Днепр, как Иордан, в нем крестили, – цитировала себя Галина. – По нему от Замковой горы, что на Андреевском спуске, вода к низинам несла языческих идолов. „Выдубай, Боже“, – слышал деревянный Перун – его поглощало течение, а верующие бежали вдоль берега, боясь потерять Бога. На той земле, где вода все же оставила Перуна, где выдуб он – вынырнул, построили монастырь. Назвали его Выдубицким...»

По летописи, Перун был сброшен с языческого капища на Старокиевской горе, но историчка оценила Галкину работу на тройку из-за «отсутствия описания архитектурного ансамбля монастыря».

– Почему ты не объяснила ей? – мне было обидно за подругу.

– Она дура, – коротко отрезала Галка, не пожелав возвращаться к проблеме.

Осенью – мы учились в девятом классе – Галка сказала, что встречается с парнем и хочет познакомить меня с его другом.

Мы ждали у стадиона «Спартак».

– Вот тот, что справа. Видишь, двое дорогу переходят. Мой – Толик. Да снимись с тор-моза!

– Вадим, – мрачно представился друг и тут же поинтересовался у Толика. – Как тебе наши вчера, смотрел?

«Динамо Киев» принимало «Спартак».

– Куда идем? – бодро спросила Галка.

– На день рождения друга, – так же задорно ответил Толик, – Чанов молоток. Если б не он, вообще бы с позором.

– Попрут Лобана с такими делами. Разве это защита?

– Не попрут, – Толик обнял Галку за плечи. – Что на выходные? – хитро улыбнулся он.

– К жене, – спокойно ответил Вадим.

Друзья работали на одной фирме. Мы с Галкой были младше их лет на десять. Я не знала, как реагировать на слова Вадика.

Был шведский стол. Гости томно топтались по углам под «Энигму», пили и много курили. Вчетвером мы перебрались в соседнюю комнату.

– Я не знала, что он женат, – Галка чувствовала себя виноватой. – Я поговорю с Толиком, – непривычно оправдывалась она. – Наверное, Вадик любит жену.

Галка ошибалась: любил Вадик только футбол. Он был ироничен в общении и невыразителен внешне: светлая одежда, рыжие волосы, бледное лицо и глаза – серые, будто бы без зрачков.

Когда Галка с Толиком вышли, Вадик предложил мне постель.

– У тебя есть жена. Разве ты не любишь ее?

– При чем здесь жена? Конечно, люблю. Это то же самое, что любить «Динамо Киев» и болеть за него. Но это не значит, что я не могу по достоинству оценить хорошую игру «Спар-така» или не стану ее смотреть, только потому, что я за «Спартак» не болею. Хватит ломаться, сама этого хочешь.

Я выскочила из комнаты. Галка прощалась с Толиком, убеждая его, что провожать нас не надо. Я поддержала эту идею.

– Никогда не буду рожать! – это был первый пассаж, который выдала Галка, когда мы остались одни.

– Ты чего?! – я даже забыла о собственном возмущении.

– Я теперь знаю, как проводит время мужчина, пока женщина ждет ребенка. Оказывается, жена Вадика сейчас дома, у родителей. Не помню, в Казани, что ли, неважно. Ей скоро рожать. Ты с ним спала?

– Нет, конечно! А ты? С Толиком... что...

– Ненавижу!

Я не поняла, кого возненавидела Галка. Я только знала, что часто ее действия рождены желанием делать не так, как поступали другие – родители, взрослые или учителя. Сопротивление существующему в такие моменты становилось ее жизненным двигателем, Галку трудно было предугадать.

Той же осенью девятого класса в конце ноября:

– Любовь Дмитриевна, а где Галя? – я звонила Галке после занятий, чтобы узнать, почему ее не было в школе.

– Хороша подруга. Не знаешь?

Галкина мама не стала со мной разговаривать. Только вечером, когда я зашла к Галке домой, ее отец рассказал о случившемся и объяснил, как с черного хода попасть в палату: Галка вскрывала вены. Спасла ее мать и положила в Октябрьскую больницу по благу.

Галка стояла у окна больничного коридора: длинные рукава шелкового халата скрывали предплечья, манжеты были застегнуты на запястьях.

– Я думала, люди запоминают, как там. А я не помню. Мама сказала, я резала, как в фильмах, – она попыталась улыбнуться, – поперек руки. А надо вдоль – тогда смерть.

Галка распознала в моих глазах страх.

– Не бойся, я слово дала, – она выглядела усталой. – Только, пожалуйста, не надо меня жалеть, – и добавила: – Знаешь, как моя бабушка такую погоду называла?

– Как?

– Сльота.

– Сльота?

– Да.

– Слякоть, что ли?

– Наверное. Когда зябко, дождь, морось на улице – все вместе. Когда противно и мерзко. Моя бабушка раньше сама вино делала. Вкусное-е-е-е, – Галкина бабушка была родом из-под Ивано-Франковска, умерла два года назад. – Она верила в Бога, а родители смеялись над ней.

Я вышла на улицу, сощурила глаза. В фонарном свете белели, схваченные коркой льда, лужи. Всего за двадцать минут выпал снег – первый. Я смотрела, как мякнет и раскисает он на еще рыхлой земле. На душе было противно и мерзко – сльота.

– Пойдем на танцы? – через год предлагает мне Галка.

– Ты хочешь на дискотеку?

– На Подоле есть танцевальный кружок при училище. У них девочек не хватает. Я записала нас на народные.

– Уж если ходить, то на современные или бальные. И потом, у меня репетиторы, в этом году в институт поступать. Времени на все не хватит.

– Хватит. У меня тоже репетиторы, но я в мед не пойду. И к репетиторам ходить не буду. Зря мать на меня деньги выбрасывает. Она думает, если сама мед заканчивала, значит, и мне туда надо, – необходимость подчиняться вызывала в Галке агрессию. – Я с руководителем кружка разговаривала. Между прочим, он в ансамбле Вирского танцевал, весь мир с гастролями исколесил.

– А что матери скажешь?

– Что хожу к репетиторам.

– Будешь обманывать?

– А лучше смириться? Все равно она не разрешит мне поступать в институт культуры на народное отделение. А я хочу.

Галка давно говорила мне об актерстве:

– Понимаешь, все врут. И грают какие-то роли, обманывают друг друга. Актеры – тем более, но они не скрывают этого. Сцена – их образ жизни. Они наоборот показывают, что играть другого – это... Искать себя, что ли.

Галкины принципы быстро становились моими, – вскоре я полюбила народные танцы. Три раза в неделю мы спешили на репетиции.

Наш руководитель, Игорь Макарович, в свои шестьдесят хорошо танцевал, обладал живым темпераментом, был веселым рассказчиком. Мы выступали на конкурсах художественной самодеятельности. Репетировали мы под аккордеон. На нем играл Виктор Андреич – инвалид без семьи и детей. Даже на выступлении он мог сфальшивить, забыть о проигрыше, задать не тот темп, но мы прощали его. Он был как шут или юродивый – всегда нелепо и не вовремя улыбался. «Андреич» – по-другому его и не звали.

Однажды перед репетицией Галка сказала, что ей звонил Толик. Наш трамвай не спеша отворачивался от Речного вокзала. Короткие переулки разбегались в разные стороны и там гибкими вензелями замирали лубочной картинкой. На них по-домашнему рассаживались дома, магазины, кофейни. Подол, как застенчивая Матрона, прижимался к земле, будто прятал себя от дурных глаз.

Мы выехали на Братскую. В конце улицы находилась швейная фабрика и морское училище, а от остановки, через два переулка, – здание, в котором проходили занятия.

– И что?

– Вчера у Вадика умерла жена.

Мне показалось, что я не расслышала:

– Что? Умерла?!

– Да.

– Как умерла?

– Просто.

– Во время родов?

– Нет, говорю, просто. Месяц уже, как она родила.

Мы вышли из трамвая, свернули в глухой двор, поднялись по пожарной лестнице на второй этаж и прошли через танцкласс в раздевалку. Девчонки из швейной бурсы обсуждали норму по пошиву рабочих перчаток и сорочек для рожениц.

– Нашли притырков! Если их гребаную норму полностью выполнять, никакого, блин, времени на это... Привет, девки, – отвлеклась на наш приход боевая Людка, – личную жизнь!

Людка зимой собралась замуж. Подруги поддакивали бунтарке, а остальные, переодеваясь, трещали о леваках или страдали от мысли о возможности кесаревого сечения при узких бедрах. Кто-то говорил, что свекровь требует денег, кому-то не хватало внимания и рецепта для маринада.

На обратном пути Галка созналась, что год назад она пыталась избавиться от Толиного ребенка. Началось кровотечение. После этого она вскрыла вены.

В декабре гуляли свадьбу – Людка расписалась с Егором. Через неделю после торжественной церемонии событие решили отметить коллективом прямо в танцклассе – дань стенам, в которых молодожены и познакомились.

Мы с Галкой шли по Почтовой. Ветра не было. На крышу низкого белого домика у трамвайных путей – бывшего почтового тракта – медленно опускался мягкий и крупный снег. В вечерних витринах сверкали огнями елки, серпантин завивался разноцветными кольцами.

Мы свернули в наш темный двор. Единственным его освещением были светящиеся окна танцкласса.

– Девушки, куда так спешить?

Неожиданно мы оказались в тисках: двое парней, один – с Галкиной стороны, второй – с моей. «Мой» положил на плечо руку. Я брезгливо шарахнулась в сторону – он схватил за талию. Они вынудили нас с Галкой остановиться.

– Ребята, – попыталась мирно разрешить конфликт Галка, – нас ждут, у нас праздник, не будем портить друг другу вечер.

– Никто и не портит, у нас тоже праздник, только вас не хватает.

Первый швырнул Галку на капот жигулей, которые стояли у нас во дворе. Второй притянул меня к себе – пахло спиртным. Я ужаснулась: он был копией юного Пушкина: длинный нос, тонкие губы, курчавые волосы, такие же глаза, только с болезненным блеском.

Сомневаться не приходилось: они шли за нами от кафе «Бриз». Это местечко существовало исключительно для «своих». Мы с Галкой никогда не решались заходить в «Бриз» даже днем. Сизо-голубой гель ламп заведения вызывал неприятные ощущения. Казалось, если спуститься в подвал (над землей было только название и рисованная мачта корабля), оттуда повеет мертвечиной и холодом. Кто-то рассказывал, что в кафе столики стоят, будто в ложах театра, и занавешены тяжелыми шторами, и что не каждый может быть его посетителем. Это задевало, но мы придумали себе оправдание: мы выше забегаловок для плебеев.

Я схватила «Пушкина» за волосы – они были густыми и жесткими – и закричала.

На крик выбежали Егор и Серега, кликнули остальных. Завязалась драка. Зачинщики быстро сбежали, и мы поднялись в зал. Столы, взятые напрокат из училища, были празднично сервированы.

– Все! Начинаем! – крикнула Людка, и стычка на улице сразу же показалась небольшим пустяком.

– А Игорь Макарыч?

– Он не сможет прийти. Поехали! – Людка была счастлива.

Андреич пошутил, нарочито спутав свадебный марш с похоронным. Потом заиграл Мендельсона. Было весело. Смешила даже фальшивость аккордов. Одна Галка долго не могла успокоиться.

– Галочка, да что ты, в конце концов. Забудь о них, сегодня все-таки праздник!

Галка кивала, но улыбалась натужно.

Был только один удар: дверь хрустнула и отделилась от косяка вместе с замком. «Они» ворвались в танцкласс уже не одни. С ними было человек двадцать таких же наглых, самоуверенных, молодых. Они обрезали шнур телефона и задернули шторы на окнах. У них были финки, а у главаря – пистолет. Я не ошиблась: его звали Пушкин.

– Я же говорил, нам не хватает друг друга.

Малолетки заржали, и Пушкин велел садиться за стол. Я почувствовала под левым ребром острие финки. Финок хватило на всех – вели к столу каждого персонально. Мой конвоир шел как-то сбоку и сзади. Я видела только его чуть вжатую в плечи шею и белые волосы. В отличие от других он все время молчал. Егор попробовал вступить в переговоры.

– Свадьба? Я люблю свадьбы, – Пушкин сел напротив меня.

Они пили водку и разбрасывали по столу куски пищи, потом наливали нам и заставляли молодоженов целоваться. Скоро у Пушкина возникло желание одарить молодых. Он достал из кармана золотую цепочку и серьги.

– Мы не уроды, обычаи знаем, – он насильно вложил в Людкину ладонь золото. – Смотри, дура! Что паришь?

Людка разжала пальцы. На одной из сережек была запекшаяся кровь.

– Идемте отсюда, – я впервые за вечер услышала голос своего конвоира. Он говорил тихо и мягко. – Не надо этого, – он спрятал финку в карман.

Пушкин положил на стол пистолет. В комнате стало тихо. Я оглянулась – парень опустил глаза. Я успела заметить, что они были у него серого цвета, маленькие, но добрые.

– Хочу ее, – прервал молчание Пушкин, тыча в меня пальцем.

Он встал, окинул всех насмешливым взглядом и стал толкать меня в раздевалку.

– Сделайте что-то! Вы же мужики!!! Что вы сидите!!! – неистово заорала Галка.

– Богу молиться надо, – вдруг сказал Андреич и улыбнулся, показав кривые желтые зубы. Галке закрыли рот. Андреич перекрестился.

– Еще раз сука завоюет, всех баб – на колхоз. Ясно?! А этого, – Пушкин указал на бело-брысого парня, – убрать!!! – закричал он, впахнул меня в раздевалку и потянул за щеколду.

На пол с моей руки упали часы – было слышно, как они тикают. Пушкин подошел ближе. Только тогда я поняла, какая маленькая у нас раздевалка.

Я не узнавала своего голоса. Пушкин ударил наотмашь. Что-то щелкнуло в переносице, из носу закапала кровь. Я больно стукнулась головой о скамью, попыталась привстать. Пушкин коленом придавил к полу, схватил за волосы, разорвал на мне платье. В первые секунды я не могла поверить, что никто не остановит его. За дверью Андреич читал «Отче наш». Я стала царапаться и кусаться.

– Живой ты отсюда не выйдешь, сучка, – мое сопротивление раззадоривало самца.

Пушкин громко дышал и сдавливал руки, оставляя на них синяки. Он был сильнее. Реальность казалась искаженной фантазией. Почему-то пропал голос: я хрипела отчаянно.

И вдруг все изменилось: как будто кто-то выключил звук. Я лежала на полу и через узкую полоску окна смотрела, как падает снег. Большие снежинки вырывались из ветреного водоворота и испуганно замирали в затишье углового здания. Успокоившись, они медленно начинали раскачиваться из стороны в сторону, – снег опускался и исчезал...

Я очнулась от стука – в дверь раздевалки били ногами. Пушкин застегивал на брюках ремень. Я поняла, что какое-то время была без сознания.

– Мы его совсем! Совсем! – кричали за дверью.

– Я сказал, убрать! – нервничал Пушкин.

– Совсем! Совсем!

Пушкин выскочил в зал, даже не оглянувшись. Галка в слезах ворвалась в раздевалку.

– Оксаночка! Милиция приехала, скорая. Все хорошо. Только они убили парня того, что тебя защищал. Крови столько. Все хорошо, все хорошо с тобой, да?

– Да.

– Посмотри на меня, я тебе одежду найду. Голова болит?

– Да.

– Соседи увидели, когда его били. Кто-то вызвал милицию, но он не выжил. Они прыгали на лицо, ногами, понимаешь? Он задохнулся, захлебнулся, не знаю.

– Да.

– Ты можешь хоть что-то сказать? Оксана-а-а-а!!!

– Да...

Показания давали в Подольском районном суде. Дело вела похожая на нэповского парт-орга следователь.

– Ну, «Зеленая лампа», блин, – подобными фразами она скрывала рвение, с которым собирала следственный материал.

Ей было лет тридцать пять: узкие злые глаза, стрижка «под мальчика». Даже представить ее рядом с мужчиной казалось немислимым. Но дело по изнасилованию будило в ней плотский инстинкт. Меня и Галку она допрашивала с особым пристрастием. Ей нужно было знать все, – мы пропадали в ее кабинете по три-четыре часа. Она была по клавишам пишущей машинки крепкими пальцами и просила называть гениталии так, как их именовала «пушкинская» компания. Радоваться оставалось лишь тому, что все это происходило во время каникул, когда не нужно было думать о школе. От родителей скрыть суть происшествия нам удалось только потому, что они сами боялись узнать правду.

Они предпочли не вмешиваться, довольствуясь придуманной нами версией о драке и разбитых окнах, ходили мрачные, изредка о чем-то горячо перешептываясь, закрывшись в спальне. Мы же не отходили от телефонов, перехватывая звонки из милиции.

Суд назначили только на лето, планируя закрыть дело после поимки лидеров группировки: было понятно, что за малолетней компанией Пушкина стоят личности посерьезней.

Лидеры сами вышли на нас. Накануне суда мне позвонили, назначили встречу и пригрозили, если не приду или попытаюсь связаться с милицией. Было бессмысленно сопротивляться. Я сообщила об этом Галке.

– Знаешь, где встреча?

– Где?

– У Выдубицкого монастыря.

Галка смолчала.

– Боевое крещение.

– Шуточки у тебя, Ксюх... Чтобы сразу мне позвонила. Давай, я для подстраховки пойду?

– Не надо, думаю, так будет хуже.

– Не боишься?

Теперь промолчала я.

– Там, кажется, гроза собирается.

Я выглянула в окно:

– Похоже.

Весь день – ни малейшего движения, только поднималось тяжелое тепло от асфальта, и вот буквально за полчаса: ветер срывает макушки, хлопают от сквозняков двери и форточки, пахнет озоном.

– Зонт возьми.

Я не обиделась на Галку – все мы в такой момент становимся глупыми.

Выдубицкий монастырь. Дорога к нему, спускаясь с моста, уходит вниз в южном направлении и ведет за город. Ночная трасса безлюдна и плохо освещена. Днепр – черный. Свист ветра глушит другие звуки.

Не могу поднять глаз: дождь – режущий, острый – хлещет в лицо, стекает по волосам и плечам; он намочил платье и приклеил его к телу. Я прохожу мимо летнего бара в тот момент, когда его крыша, надувшись, как парашют, тянет за собой алюминиевые балки шатра. Несложная конструкция опрокидывает стойку, подминает под себя столик, падает в грязь. Вода, как лавина, размывает землю, кружится в неровных воронках асфальта...

Я очнулась дома от звонка Галки. Она кричала в трубку:

– Третий раз тебя набираю!!!

– Все хорошо.

– Что хорошо?!

– Никого не было.

– Как не было?

– Я простояла час. Промокла, замерзла.

Это была правда. Ошибиться в месте встречи я не могла, опоздать тоже. За час я так окоченела от холодного ветра, что даже перестала бояться. Дома пришлось принимать горячую ванну. Чтобы не заболеть, я выпила полбутылки «Кагора», рассудительно припасенного мной для таких случаев. Как дошла до постели, не помню – меня здорово разморило.

– У меня завтра первый экзамен, вдруг произнесла Галка.

– Как, уже? – я была искренне удивлена.

– Ксюх, мы уже окончили школу...

– Да, я помню, – все эти события заставляли идти время совсем по-другому. – Удачи, – я положила трубку.

Перед нашими поступлениями Галкина мама назначила мне свидание. Я обещала молчать о встрече.

– Только не ври мне, Оксана. Я знаю, что Галя не будет поступать в мед. И не хочу ей мешать. Но она не права, не права.

– Любовь Дмитриевна...

– Говори, – Галкина мама давно все решила. – Куда она хочет?

Галка поступала в институт культуры без помех со стороны родителей.

День суда выдался особенно жарким. Накануне я плохо спала, не в силах избавиться от мыслей, как лучше держаться и что говорить. Но все вышло не так, как я себе представляла.

Перед началом процесса в холле Городского суда я столкнулась с мамой убитого парня. У нас не было очных ставок во время следствия, но я сразу узнала ее по глазам – серым и маленьким – и подумала, что, наверное, раньше они были еще и добрыми. Чуть позже я поняла, что до этой встречи меня волновала только *своя* жизнь.

Свидетелей вызывали по очереди. Они выходили из зала суда подавленные, предпочитая не смотреть друг другу в глаза. Андреич нервничал больше всех, Людку возмущал сам факт осквернения ее свадьбы. Как испуганное стадо шакалов, малолетние преступники, сбившись в кучу, занимали одну скамью. Каждый из них проходил «по делу» впервые: боевое крещение, как недавно сказала Галка. В зале воняло потом. Мне нужно было дожидаться финала. Все проходило, будто в тумане:

– Представьтесь, сообщите адрес прописки и телефон...

Я сообщила и поняла, что с этого момента мне предстоит ходить по улицам, озираясь. Дело закрывали, вешая его на Пушкина как единственного совершеннолетнего. И хотя остальным грозило лишь «соучастие», все они были нужны властелинам порядка, я же с этого момента ни милиции, ни государству была неинтересна.

Галка ждала меня у Хмельницкого.

– Гал, мне уезжать нужно отсюда, – сказала я, глядя на памятник.

– Уезжать? Куда?

– Не знаю. Да хоть в Москву, – я снова обращалась к бронзовому Богдану.

– Сумасшедшая... Все образуется, вот посмотришь.

Уставшие, мы брели по Андреевке.

– Помнишь, ты писала: «Днепр как Иордан, в нем крестили»?

– Да, наверное, помню.

Я жила в напряжении ровно два месяца. Осенью мне позвонили. Я услышала тот же голос и те же грубые интонации.

– Молодец, не обманываешь, это нам нравится. Запоминай: железная дорога, станция, мост. Понимаешь. Вечером, в десять, сегодня, где развязка дорожная. И смотри, чтобы без фокусов.

В этот раз я не стала звонить Галке.

Желтые круги фонарей отражаются в лужах. Свет режет глаза, когда попадаешь в него из темноты. Рыжие, будто покрытые ржавчиной, листья приклеены к мостовой. Моросит мелкий дождь. Я уже вижу площадку платформы и узкую тропинку «нелегального» перехода через пути – мне туда. Никого нет, электричка только ушла, показав красные лампочки последнего вагона, свистнула на прощание. Торопливый стук моих каблук сменился на шарканье по булыжникам насыпи. Сзади шаги – я боюсь оглянуться.

Каблук застревает в камнях щебенки, когда я оказываюсь посередине пути, между двух рельсов. Теперь шаги слышны отчетливее. Из всех сил выдергиваю каблук, не удерживаюсь на ногах, падаю. Через мое тело кто-то перепрыгивает и тоже падает невдалеке. Я различаю в полутьме парня, с него слетела шапка и катится вниз по насыпи. Он вскакивает, на нем кожаная куртка, в правой руке блестит лезвие финки. Как-то в моей ладони оказывается булыжник, и я бросаю его.

Тишина. Парень лежит неподвижно. Я подхожу ближе. Из кармана куртки выглядывает бумажник. Достая его, не снимая перчаток: телефоны, адреса, фотография девушки, две сотенные купюры – доллары.

Иду домой и уже не сомневаюсь: единственный город, где можно потеряться – Москва.

С утра покупаю газеты, смотрю криминальную хронику – ничего. Потом иду к железной дороге – парня нет. В кармане моего пальто – доллары, две сотенные купюры.

«Днепр, как Иордан, в нем крестили». А ведь бегущие за божками не знали тогда, что Перуну уже есть замена, не ведали, что вскоре полюбят нового бога, не понимали, что рождены славянами – обреченными выпить все...

К месту тогда пришелся звонок Дамкова – друга отца, депутата Госдумы России. Я узнала его по фальцетному ехидненькому покашливанию. Он всегда так смеялся: покашливая. Познакомились они в восьмидесятых, когда папин отдел работал над новым проектом, и Дамкова прислали из Пензы как талантливого специалиста их профиля. Он был самым младшим из друзей папы, но именно Сержу Дамкову мама и предсказывала Москву.

Дамков часто приходил в гости с ночевкой: смеялся в прихожей, вручал три гвоздики, шоколад и коньяк, рукой приглаживал жидкие волосы и отправлялся на кухню. Мама принимала подарки, вздыхала и накрывала на стол – Дамкова она не любила.

Дамков всегда щурил глаза, много ел, сально шутил и желал доброй ночи ровно в одиннадцать. Через три минуты мы слушали раскатистый храп Сержа.

После окончания работы над проектом Серж приезжал в Киев в командировки, лысея и полнея от визита к визиту. Становились солиднее и его должности. Неизменной была лишь нервная система Дамкова: он так же добротнo поглощал пищу, засыпал в одиннадцать вечера и храпел колоритным рокотом.

– Хоть дочь отпусти в Москву, раз сам приехать не хочешь, – орал по междугородке Дамков.

– Да не могу я сейчас, работа срочная, – пытался откrestиться от приглашения Сержа отец.

– Рассказывать будешь, националист хренов! – Дамков был уверен, что папа свихнулся на почве незалежности Украины. – Вроде не Союз всех выкармливал.

– Хай едет, никто не держит. Вроде, я ее привязываю.

Это то, что мне и нужно было услышать.

Через двое суток я звонила в квартиру народного депутата.

– Похорошела-то как, невеста!

Дамков угадал часть версии – ее должна была со временем преподнести моим родителям Галка. Будто по дороге в Москву я встретила москвича, познакомилась, полюбила, воз-

вращаться домой не хочу, собираюсь жить с ним и скоро выйду за него замуж. Пока родители свыкнутся с этой мыслью, я успею найти жилье и работу. Мы с Галкой решили, что я уезжаю на год.

– Ну, проходи, раздевайся.

Взгляд Дамкова остановился на моей обуви: ботинки оставили на лакированном паркете в прихожей следы.

– К столу, к столу, – затараторил Дамков, – будешь рассказывать.

Дамков давал понять, что давно не относится ко мне как к ребенку. Ему хотелось услышать рассказ об отце, но я говорила невыразительно, и Дамков взял инициативу в свои руки.

– Ты не представляешь, что значит побывать, ну, практически во всех странах мира. Мне, Оксана, жалеть не о чем. Я видел все своими глазами. У меня все есть, – говорил Дамков, наполняя бокалы. – Тебе желаю того же.

К концу ужина Дамков спланировал мой досуг: Арбат, Кремль, Третьяковская галерея, Большой и Малый театры.

– Только одна походишь. Я занят буду, сама понимаешь.

Это устраивало: у меня была другая программа. Я возвращалась поздно, ставила грязные ботинки в прихожей на приготовленную газетку и делилась впечатлениями от прежнего визита в Москву: подростком я посещала столицу Союза с мамой. Но повезло мне только на третий день – я познакомилась в кафе с армянином. Он предложил работу и пообещал помочь мне с жильем.

– Ну, признавайся, хотелось бы остаться в Москве? – на последнем ужине поинтересовался Дамков. Под коньячок он совсем подобрел. – Ладно, ладно-то скромничать, сам знаю, что помочь надо, – Дамков потянулся к телефонному аппарату.

Карьерный рост Дамков приравнивал к смыслу жизни, поэтому и был столь удачлив. Люди, которые мыслили по-иному, его расстраивали.

– Ты взрослая, должна понимать, Оксаночка, твой отец в ерунду верит, – снисходительно проговорил Дамков, перелистывая страницы записной книжки. Он уважал нашу семью только за то, что ни я, ни отец не могли его превзойти.

Остановила Дамкова жена, что-то раздраженно прошептала ему на ухо.

Водитель Дамкова довез меня до Киевского вокзала.

– Спасибо. Сама дальше.

Я сдавала билет и слышала, как желают счастливого пути пассажирам поезда «Москва-Киев».

3

Все окраины Москвы чем-то похожи: они открыты для стихии с одной стороны, с другой на них давит город. Желание сбежать от цивилизации выдает их столь же сильно, как и попытка не уступать столице в привычках. Обитатели окраин движутся в двух направлениях: вечером – к природе, искренне радуясь желанию удалить косметику и забыть о правилах этикета, утром – в город, чтобы убедить себя в конкурентоспособности. Их можно узнать по лицам и обуви. Лица – заискивающие, а обувь – даже новая и начищенная – не в состоянии долго хранить форму – каждодневная ходьба по ухабам разбивает носки, делая ее на размер больше.

Воздух окраин – насыщенный, калорийный, как непастеризованное и нефильтованное пиво. Такой москвичу вреден. Привыкший к синтетике, он расплзается и тупеет, будто женщина на сносях.

Подмосковье, как человек вне политики, – не знает куда бежать и кого бояться.

Сажусь в электричку на Выхино: Косино, Ухтомская – за окном голые деревья и дымящие трубы, тощая свора собак, как волчья стая, рыщет в поисках пищи. На остановках в тамбуры врывается запах дыма и прелых листьев.

Платформа «Люберцы-1». Иду по подземному переходу. Людской поток, пополнившийся пассажирами с электрички, движется хаотичной волной – раскачивается из стороны в сторону, спотыкается, толкает в спину и матерится.

В этом длинном сером туннеле можно купить все: восковые свечи, шерстяные носки, творожную массу. Стоящие вдоль стен торгаши словно обозначают дорогу к рынку. Впереди, прижимая к груди пустой пакет, семенит девчонка лет шести или семи и все время озирается по сторонам. Одета в болоневую синюю курточку, на ногах – поношенные сапоги. Как раз для похода на рынок, решаю я, теряя ее из вида, и, срезая угол, иду вдоль трассы. Однако у контейнера для отходов я снова встречаю девочку в синей куртке, но теперь она ни на кого не обращает внимания – ей некогда. Грязные голуби воркуют над мусором, и она пакетом пытается поймать крайнего. Я замечаю, что за мной медленно следует темно-бордовый мерс. «Райская птичка поет фантастично, поет феерично, но только в кино», – орут колонки в музыкальном киоске. На обшарпанной кирпичной стене большими красными буквами: кафе «Сочи».

Вот, похоже, и Галкин дом. Нелепое зрелище: среди ветхих улиц частного сектора высокая, как каланча, новостройка, – глядя на нее, становится неуютно и холодно. Захожу в подъезд, вызываю лифт: вверху нервно подскакивает кабина – я слушаю истеричное скрежетание плохо отлаженных тросов и думаю: «Той девочке у помойки не может быть стыдно или страшно, ей хочется есть, и она делает то, что умеет. Сама».

Галкина квартира тоже напоминает пустырь: необжитая, пахнувшая ремонтом, без мебели – только кровать в спальне и летний кафешный столик со стульями в кухне. Вещи на плечиках зацеплены за вбитые в стены гвозди, по полу тянет холодом. Несмотря на то, что отражаемое от пустых стен эхо едва уловимо, все время хочется говорить тише.

В кастрюльке кипятится вода. Галка, разливая по чашкам кофе, случайно задевает ножку стола, и из полных чашек выплескивается темная жидкость.

– Гал, дай тряпочку.

Вот с таких же столиков на углу Руставели начинала свою трудовую деятельность я – продавщицей в летнем кафе.

Хозяин квартиры, куда пристроил меня армянин, жил с сорокалетней набожной дочерью. Мне выделили узкую комнатку со старой мебелью, множеством картонных коробок и закрытым на замок пианино. Дед не расставался с клюкой, а его дочь – со свечами и книгами. Я засыпала под церковное пение в записи или под молитву-речитатив. Дед не разрешал приводить гостей, считал, что в квартире я должна находиться только ночью, но приходиться после

двенадцати запрещалось. В одиннадцать квартира запиралась на особый замок, ключ от которого был только у деда.

И в конце октября, и зимой кафе на углу Руставели, переместившись из-под брезентового шатра на территорию магазина, завсегда и называли летним. Сюда приходили напиваться, крыть матом баб, правительство и судьбу. Армянин Гюндус, директор кафе, не считал зазорным учить меня уму-разуму: я разогревала котлеты, покрытые плесенью, меняла в нужный момент ценники и обсчитывала пьяных клиентов. Гюндус ублажал санэпидемстанцию и предупреждал о контрольных закупках. От особенностей его восточного темперамента я была избавлена наличием любовницы, которая числилась его заместительницей.

Утром я протирала витрину и столики – такие же, как этот у Галки, и принимала товар, вечером считала выручку, получала оплату, выпивала бутылку пива и спешила на ночевку. Я заставляла себя работать без выходных на износ до тех пор, пока и Галка, и Пушкин, и даже родители сделались для меня миражом, в который я и сама с трудом верила. Мой мозг словно сработал на уничтожение этих образов.

Галка исправно оповещала меня в течение месяца о тревогах родителей и продолжала учебу в институте культуры. После окончания ее, не задумываясь, пригласили в национальный театр. К тому времени связь между нами, казалось, была утеряна навсегда. И именно тогда так же случайно, как недавно Галку, я повстречала на Профсоюзной Полину, которая и рассказала мне о сенсации театрально сезона.

– Представляешь, Ксюха, как повезло человеку! После института культуры сразу попасть в национальный театр! Нет, Галине, как там ее по фамилии, ну, ты должна знать, вы, кажется, дружили когда-то, таки повезло! Ее, говорят, главреж сразу приметил на роль Мавки.

– Что?

– Роль Мавки ей дали, ну, по пьесе Леси Украинки.

– А, ну да.

– Так не ошибся ведь, она там – богиня! Нет, правда, это сенсация. Все, кто ее видел, говорят, что она – лучшая из всех Мавок. Даже пожилые актрисы соглашаются, прикинь?

Полина только три месяца была в Москве, она изнывала от одиночества. Рассказ о Галке нас сблизил надолго.

– Гал, держи, – я отдаю тряпку, – сейчас твою роль Анжела играет, которая с тобой на параллельном курсе училась, Полина рассказывала.

– Анжела – хорошая актриса, – кивает Галка, и я тут же жалею, что сказала об этом ей. Жестоко с моей стороны.

– Гал, давно хотела спросить, как ты в Москве оказалась?

Галка взяла сигарету:

– Проще простого, влюбилась.

Галка произнесла это со злобой, как когда-то говорила о Толике. Но если тогда чувство не мешало ей оставаться собой, то сейчас именно оно блокировало тот интеллект, которого в свое время не без причины побаивались родители, учителя, сверстники.

Изменилось в Галине все, в том числе внешность. Короткие упругие прыгающие завитки вместо длинных тяжелых волос искажали правильные черты лица, в прежнем глубоком взгляде часто проскальзывала смешливость, даже дурашливость, а в черных глазах больше не было космоса. С женщинами такое случается в период беременности, с Галкой это случилось из-за любви.

– Глупо все получилось. У меня появилось особенно много поклонников после того спектакля, но один... Романтики захотелось, поверила сказкам... Вначале, и правда, все было как в сказке. Не поверишь, все отдала за любовь. Кто его в театр привел? Рассказываю. Выхожу после премьеры – Господи, все как сейчас перед глазами, баба Маня на вахте дежурит, на ушко

мне шепчет: «Молодой, симпатичный, час уже з магнолиями стоять на вахти. Я його гоню-гоню, може, пишла, кажу, та я нэ помитыла. А он: нет, дождусь, люблю, говорит, и все тут, отогнать не могу, боюсь директор з-за его наругает». Выхожу из театра, действительно кто-то ждет. Актриса безмозглая! Месяц встречались – цветы, рестораны, маму очаровал. Что москвич – не сразу сказал. Командировка у него, видите ли, но уже заканчивается. Кому я поверила? Душа открытая. Вот такую лапшу до колен отвесил! Коренной москвич, родители при делах, знакомые у кормушки. Щас! Сказал, что в Москве в театр устроит запросто, только мол, не отказывай, не могу без тебя. Так разве я долго думала? Полвагона вещей собрала – только меня и видели! А сколько меня отговаривали, карьеру прочили! Ну, расписались, месяц медовый счастливой душой ходила, только потом что-то понимать стала. Сначала он свои деньги пропил, потом мои шмотки. Какой театр! Я об этом и думать забыла! А к кому мне идти? Мне и соседям в этом признаться-то стыдно было, не то что своим. Год назад я не выдержала, ушла из дому. И проснулась на улице. Там и подобрали меня – режиссер наш – тоже судьба, можно сказать. Везет же. Сначала жила у него, теперь вот квартиру по дешевке нашел. Платит мало, но лучше, чем на дороге валяться, да и куда здесь с моим украинским гражданством да проносом? Курс-то украинский заканчивала, сценречь опять же. А в Киев... Не хочу туда я с позором. Не хочу даже, чтоб знал кто-то из наших, маме не говорю, так, будто поссорились. Ты-то как? Если б знала, что ты в Москве.

Я смотрю на подпрыгивающие кудряшки – как зайчики на резиночках. Так и выходит, что исповедь в человеческую жизнь укладывается в два часа разговора на кухне. А что Москва?.. Город, в который каждый везет свою боль, со временем обнаруживая, что она здесь никому не нужна.

– Бездомные мы здесь, чужие, – словно читает мои мысли Галка. И менталитет у нас другой, как ни крути. А здесь волчьи законы. Вон, как у тех собак, что свадьбу собачью водят, – Галка выглядывает в окно.

– Что делают? – я подхожу к ней.

Тот же темно-вишневый мерс у подъезда и та же свора собак, на которую я обратила внимание еще в электричке.

– Словно сговорились меня преследовать, – шучу я, испытывая неловкость за внезапно охватившую меня тревогу.

– Правда, не знаешь? – Галка, как в школе, удивленно пожимает плечами. – Эта свора – их обычно не меньше семи – сучку с самцом охраняют, пока те спариваются. Закон такой у них: куда пара, молодожены, что ли, туда свора. Типа свадьбы. И не дай Бог зацепить кого-то из них.

– В смысле?

– В смысле порвут на части. Да не смотри на меня так. Они в этот период не как собаки – как волки. Только природный инстинкт. Только. Не соображают ничего. Природа свое берет, размножения требует. Для них мир клином сошелся на этой свадьбе.

От Галки я уходила поздно, на последнюю электричку. Она долго уговаривала остаться, но я придумывала кучу причин, втайне надеясь, что позвонит Эд.

Буквально перед моим уходом как назло поднялся ветер и повалил снег: крупный, тяжелый и мокрый – в белом пятне от фонарного света он метался в разные стороны. С первым же шагом я по щиколотку повалилась в пористый, как влажный бисквит, сугроб. В голову сами собой стали лезть гадкие мысли. А вдруг я больше никогда не увижу Галку? А вдруг не позвонит Эд? И еще этот вишневый навязчивый мерс – не успела я пройти мимо, он медленно заурчал и тронулся с места. Окончательно страх овладел мной, когда я поравнялась с путями железной дороги. Мерс по-прежнему ехал следом. Сомневаться не приходилось: за мной кто-то следит. Я натянула на лицо капюшон.

Только в метро мне удалось слегка успокоиться и не потому, что хвоста не было, просто там они вряд ли бы что-то стали предпринимать. Абстрактное «они» – кто, я и понятия не имела.

Эд появился на следующий день на Курском вокзале, когда у выхода из метро я ждала встречи с клиентом: схватил за руку и поволок за собой.

– Куда?! Эд! Меня уволят с работы!

– Когда-то я уже это слышал.

– Тогда было впервые! И потом, Питер мне простили только из-за безупречной репутации. Второй раз не прокатит. И у меня не было встречи. Клиент через пару минут будет на месте!

– Ничего, подождет и подумает, что что-то напутал.

– Не подумает, он будет звонить в агентство. Эд, с моим гражданством найти новую работу...

– Сама не захотела за меня замуж.

– При чем тут это?! – я свирепела с каждой минутой, хотя и отдавала себе отчет, что спорить с Эдом – занятие бесполезное.

Эд заказал сэндвичи в привокзальном кафе.

– Я не поняла, ты, что, без машины?

– Без.

Я впервые видела Эдика в общественном месте.

– Иногда я люблю людей. Они помогают не превратиться в мишень. А вообще, ты же в курсе, что нет глупее и отвратительнее беса, чем дух народа?

Я покосилась: говорить о чем-то, никоим образом не касающемся темы и не подходящем к месту, Эдик умел, как никто другой.

– Разве не так? Не моя, между прочим, мысль, кстати.

– Кстати?! Тебя убить мало!

– Они тоже так думают, – Эд кивнул в сторону.

Я оглянулась. За соседним столиком два человека тут же отвели от нас взгляды, принимаясь за заказанный кофе.

– Мы – как бомжи.

– Ну, ты ведь когда-то тоже пыталась меня напоить компотом.

– При чем тут компот?

– При том, что компот – это напиток плебеев.

Меня начинало трясти от злости и страха.

– Может, пойдём отсюда?

– Хочешь убедиться, что они будут преследовать нас в трамвае, в машине, на улице? – Эд сделал вид, будто собирается уходить, и двое кофеманов тут же потеряли к напитку всяческий интерес.

Страх – теперь уже абсолютно животный – сковал горло и опустился в низ живота. Я смотрела в глаза Эдику и, несмотря на всю абсурдность происходящего, понимала, что именно здесь и сейчас хочу его так, как никого и никогда в своей жизни. И что, сделай он третий раз предложение, я без колебаний бы согласилась.

– Не бойся. Ты им нужна только рядом со мной.

Эд рассказал, что тот Андрей, который сватал меня на работу, делал это по наводке Полины.

– Они правильно рассчитали, что за поддержкой ты обратишься по адресу, – Эд закашлялся, – в последнее время его часто мучили подобные приступы. – Иди, тебя ждет клиент, – я поняла, что наше свидание – это финал. – Иди и не бойся. Они знают, что ты ничего знать не можешь. Иди, надо так, пойми, надо.

– Нет.

Мне захотелось, чтобы Эд признался в любви. Но он улыбнулся:

– Да. А вот Полину сживать со света не стоит. Дура она завербованная, а не певица. По крайней мере, теперь. Иди, – еще раз повторил он.

Мы смотрели друг на друга, как загнанные дворняги, готовые любиться в холод и голод, только бы не остаться без продолжения рода.

Эдик исчез бесследно. Когда я смирилась с тем, что его посадили, разом опротивело все – работа, общение, снимаемая квартира. Сначала это выразалось в неоправданной агрессии по отношению к клиентам агентства, потом на смену раздражительности пришло равнодушие. Именно его Полина и восприняла как прощение с моей стороны. В апреле у нее заканчивались репетиции шоу-программы в «Кристалле», и она пригласила меня на второй премьерный показ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.